

Ё. НАКАМУРА

Изучение древнерусской литературы в Японии¹

I

Иностранной культурой, которая оказывала огромное влияние на развитие японской культуры с самого начала ее расцвета до середины XIX в., была китайская культура. Япония переняла от Китая не только технику производства разных товаров, но и философскую систему и письмо, которое употребляется у нас и в настоящее время. Даже буддизм, возникший в Индии, пришел в Японию через Китай. Первые японские лирические стихи были написаны на китайском языке. Для интеллигенции эпохи феодализма, особенно для писателей, необходимым считалось знание произведений китайских классиков.

Япония впервые встретилась с европейской культурой в середине XVI в. и продолжала знакомство с нею до середины следующего века. За это время католические миссионеры энергично проповедовали христианскую веру среди японцев как высших, так и низших слоев общества.

Потом, однако, правительство сегунов (феодалных властителей) запретило своим подданным общение с европейцами под страхом смертной казни, установив политику закрытых дверей. Только голландцам было разрешено вести торговлю с Японией в сильно ограниченных рамках. В течение двухсот лет политики закрытых дверей очень мало японцев познакомились с заграничной культурой. Одним из таких людей является капитан Дайкокуя Кодаю, который в конце XVIII в. был унесен морем в Россию и пробыл несколько месяцев в Петербурге. Его наблюдения и сведения о разных сторонах русской жизни легли в основу нескольких книг, написанных после возвращения на родину. Есть основания верить, что эти книги, несмотря на строгий запрет, широко распространились в рукописях среди интеллигенции того времени (интересен тот факт, что в Петербурге Кодаю завязал знакомство с А. И. Мусиным-Пушкиным).

Когда со второй трети XIX в. политика принудительного закрытия страны постепенно стала терять свое значение, японцы оказались в крайне отсталом состоянии по сравнению с западными странами. Европейская культура бурной волной хлынула в Японию. Передовые люди Японии с удивительной жадностью впитывали в себя многообразные виды техники и культуру западных стран, в том числе и России. Они больше всего стремились повысить уровень своей духовной и материальной жизни до уровня передовых заморских стран.

В области литературы после отмены политики закрытых дверей в читательский обиход наряду с сочинениями английских, французских и не-

¹ Продолжение. Начало см.: ТОДРЛ, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 582—586.

мецких классиков были введены произведения русских писателей XIX в. Японский читатель впервые познакомился с русской литературой благодаря работам Симэй Футабатэй (псевдоним Тацуносукэ Хасэгава), на деятельность которого большое влияние оказали сочинения В. Г. Белинского. С. Футабатэй, считающийся одним из создателей новой японской литературы, в конце 1880-х годов перевел на японский язык несколько повестей И. С. Тургенева. Можно сказать без всякого преувеличения, что русская литература внесла большой жизненный вклад в развитие литературной и вообще умственной жизни в Японии начиная с С. Футабатэй до настоящего времени.

Почти все повести А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова и А. М. Горького доступны на японском языке читающим массам Японии. Основные произведения этих писателей были переведены не менее чем дважды (так, например, имеется четыре перевода «Евгения Онегина»).

II

Но изучение древнерусской литературы началось в Японии только недавно. Мы видим то же самое явление и в изучении литератур других стран, таких, как английской, немецкой и французской. Это, мне кажется, объясняется тем, что интерес к литературе древней поры любого народа возникает лишь тогда, когда изучение и освоение современной литературы достигает известного уровня. Другими словами, стремление к более глубокому изучению данной литературы вызывает необходимость узнать ее историческое развитие, исследовать основы, на которых она процветает. «Беовульф» впервые был переведен на японский язык вместе с отрывком из «Битвы в Фринзбурфе» в 1931 г. Первый японский перевод «Песни о Нибелунгах» вышел в 1934 г. «Песнь о Роланде» появилась на японском языке впервые только в 1941 г.

1947-й год знаменуется появлением первого японского перевода «Слова о полку Игореве».² Перевод был сделан М. Ёнэкава, известным знатоком русской литературы и выдающимся переводчиком произведений Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и других русских писателей. Древнерусский памятник литературы сразу же привлек к себе внимание любителей русской литературы. В 1954 г. появился второй японский перевод, сделанный покойным К. Дзиндзай, который пользовался широкой известностью как писатель и в то же время как переводчик произведений А. П. Чехова.³ В следующем году был опубликован третий перевод «Слова о полку Игореве» — С. Уэно, молодого исследователя древнерусской литературы и языка, доцента Киотского университета.⁴ Четвертый перевод «Слова о полку Игореве» на японском языке, принадлежащий С. Кимура, знаменитому слависту и профессору Токийского университета, начал печататься в «Вестнике Института славяноведения» в 1957 г.⁵ Пятый и последний перевод появился в 1960 г.⁶ Переводчиком был молодой исследователь советской литературы, преподаватель русского языка университета Хосэй Х. Кимура. Ни в какой другой стране, кроме Японии, не вышло так много переводов «Слова о полку Игореве» за столь короткое время!

² ТОДРЛ, т. XVIII, стр. 586, № IV.

³ Там же, №№ IXг и X б.

⁴ Там же, № X.

⁵ Там же, № XI; перевод еще не закончен.

⁶ Там же, № X 16.

Данный факт свидетельствует о том, что японский читатель питает большой и неистощимый интерес к этому памятнику слова Древней Руси.

Нельзя игнорировать то обстоятельство, что русский и японский языки принадлежат к совершенно разным лингвистическим группам. Неудивительно, что японские переводчики имеют широкие возможности в выборе стилей для перевода одного и того же русского произведения. Добавим, что японский читатель обладает тонким чувством слова, и поэтому, как правило, проявляет высокую требовательность к качеству перевода.

Перевод М. Ёнакава ясен и прост. Работа К. Дзиндзай блестяща и деликатна. У перевода С. Уэно проявляется чувство древности. Х. Кимура старается не вредить переводом духу подлинника. И так, каждый перевод имеет свои достоинства. И поэтому-то нам предстоит задача сделать совершенный перевод, соответствующий требованиям научной точности и художественной красоты.

Следует добавить, что опера А. П. Бородина «Князь Игорь» была очень популярна среди японцев еще до появления перевода самого подлинника.

Основная причина того, почему «Слово о полку Игореве» восхищает японского читателя, заключается в самом памятнике. Японского читателя трогает больше всего искреннее чувство патриотизма князя Игоря и страстное желание русского народа к объединению, выраженное в горячем призыве к князьям. Или, лучше сказать, он тронут искренностью и преданностью родине со стороны самого автора произведения. Художественность «Слова» проявляется в мастерстве описаний полных очаровательной красоты картин природы и психологических переживаний. Японский читатель гордится своим прекрасным древним литературным наследием и правильно оценивает мастерство автора, ставящее некоторых скептиков в тупик.

Кроме «Слова о полку Игореве», большой популярностью пользуется у нас Начальная летопись. Еще в 1942 г. известным ученым в области русской литературы и общественной мысли Е. Екэмура был издан сокращенный перевод Начальной, Киевской и Галицко-Волынской летописей, который послужил краеугольным камнем для изучения древнерусской истории в Японии.⁷ Первый полный перевод на японский язык Начальной летописи сделан Р. Кисаки, исследователем русской истории и профессором университета Кагосима в 1960—1963 гг.⁸ Материалом для перевода послужил текст Повести временных лет, изданный в «Литературных памятниках».⁹ Теперь Р. Кисаки работает над комментариями к своему переводу. Сейчас в Киото делается новый перевод Начальной летописи по Лаврентьевскому списку с исчерпывающими комментариями, о чем будет сказано ниже.¹⁰

Ш

Вообще говоря, в Японии имеется два академических центра — Токио и старая столица страны Киото. Что касается изучения древнерусской литературы, то Киотоский кружок исследователей лучше организован, с 1962 г. он издает собственный печатный орган.

⁷ Там же, № III.

⁸ См. ниже, стр. 467-468, № XX, XXII, XXVIII, XXXI.

⁹ Повесть временных лет, т. I. Под ред. В. П. Адриановой-Перегц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»).

¹⁰ См. ниже, стр. 467—468, №№ XXIX, XXX, XXXII, XXXV, XXXVI.

До последнего времени подавляющее большинство переводчиков русской и советской литературы XIX и XX вв. состояло из окончивших Институт иностранных языков или университет Васэда (оба в Токио): и в том, и в другом учреждениях издавна более или менее систематически читался специальный курс русской литературы и языка. Напротив, в двух самых старых государственных университетах Японии — Токийском и Киотоском филологический факультет еще не имеет отделения русской литературы. И все же, несмотря на это положение, Токийский и Киотоский университеты становятся центрами по изучению древнерусской литературы.

В 1961 г. в Киото образовался кружок исследователей древнерусской литературы и языка, который сами его участники называют «Древнерусское общество в Японии». Его членами являются С. Хисияма, Т. Кавай, Т. Кунимото, С. Уэно, И. Ямагути и К. Аmano. Эти молодые исследователи поставили перед собой задачу — сделать перевод и текстологически изучить Начальную летопись по Лаврентьевскому списку. В этом году вышел уже шестой номер издаваемого этим обществом журнала «Кодай Россия кенкю», посвященный шестидесятилетию со дня рождения учителя членов этого кружка профессора Х. Идзуи.

Изучением древнерусской литературы в Токио руководит проф. С. Кимура. В его семинаре читают тексты древнерусской литературы. Его ученики Д. Сато, С. Курихара, Ё. Накамура и другие организовали в 1964 г. кружок по изучению славянской филологии. Они регулярно собираются и дискутируют на разные темы относительно славянских языков и литературы. Их журнал-орган находится в стадии подготовки.

Надо подчеркнуть, что кружки в Киото и Токио не противостоят друг другу. Все члены обоих кружков принадлежат всеяпонской организации «Японское общество исследователей русской литературы и языка», которое образовалось в 1953 г. Они могут обмениваться мнениями на регулярных заседаниях этого общества.

Нельзя не упомянуть и о деятельности в области древнерусской литературы профессора университета Кагосима (в южной части страны) Р. Кисаки, профессора университета Хоккайдо С. Фукуока¹¹ и С. Мацуй — сотрудника того же университета.

Японские исследователи древнерусской литературы сталкиваются в настоящее время с разными трудностями. Самой серьезной из них является недостаток основных книг и журналов. Мы не можем достать ни книг, ни статей, вышедших до конца второй мировой войны. Полное собрание русских летописей было куплено только недавно в виде микрофильма. Даже ценнейших книг, опубликованных в СССР после войны, у нас очень мало. До недавнего времени члены Киотоского кружка не имели возможности пользоваться Повестью временных лет в издании Академии наук (1950 г.). Литература, которая нам еще в какой-то мере доступна — это книги и журналы, вышедшие за последние десять лет.

В библиотеке Института славяноведения, основанного в 1954 г. при университете Хоккайдо, хранится значительное количество журналов и монографий по древнерусской литературе, опубликованных в западных странах. Но Институт расположен на крайнем севере страны, что создает немало неудобств для исследователей, работающих в Токио и Киото.

Главной задачей японских исследователей древнерусской литературы является углубление изучения «Слова о полку Игореве» и Начальной летописи для того, чтобы представить их лучший перевод читающей

¹¹ ТОДРЛ, т XVIII, стр. 586, № XIV.

публике в Японии. Но нам надо познакомить японского читателя и с другими выдающимися памятниками древнерусской литературы.

Не менее важный вопрос — объяснение внутренних связей древнерусской литературы с читаемой и уважаемой во всем мире русской литературой XIX в. Общее стремление не только японских, но и всех исследователей — изучать наиболее актуальные вопросы древнерусской литературы на основе последних достижений.

Библиография^{1 2}

1960

XX. Р. Кисаки. Гэнсё нэндайки ко (Размышление о Начальной летописи). Перевод Начальной летописи. — Кагосима дайгаку бунка хококу сигаку хэн (Вестник филологического факультета университета Кагосима. Серия истории), вып. 6, Кагосима, 1960, стр. 15—34.

XXI. Р. Кисаки. «Игори энсэй моногатари» ни окэру «Руси» то иу котоба ни цуйтэ (О слове «Русь» в «Слове о полку Игореве»). — Сирын (Вестник филологического факультета Киотского университета), 1960, № 5, Киото, стр. 60—79).

1961

XXII. Р. Кисаки. Гэнсё нэндайки ко. Продолжение. — Кагосима дайгаку бунка хококу сигаку хэн, вып. 7. Кагосима, 1961, стр. 50—98.

XXIII. Ё. Накамура. «Игори энсэй моногатари» гисакусэцу ни цуйтэ (О теории о «фальсификации» «Слова о полку Игореве»), — Росияси кенкю (Изучение истории СССР, Орган Общества исследователей по истории СССР), т. II, № 1, Токио, 1961, стр. 4—9.

XXIV. Ё. Накамура. «Игори энсэй моногатари» ни окэру нингэндзо (Человек в «Слове о полку Игореве»). — Иккё кенкю. т. VII, Токио, 1961, стр. 25—30.

XXV. Ё. Накамура Рец. на кн.: Повести о Куликовской битве. Издание подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. Изд. АН СССР, М., 1959. — Иккё ронсо (Вестник университета Хитоцубаси), т. XLVIII, № 2, Токио, 1961, стр. 112—119.

XX i. Ё. Накамура. «Руси» но ти но мэцубо но моногатари» ни цуйтэ (О «Слове о гибели Руская земли», с переводом того же произведения, и «Жития Александра Невского»). — Сураву кенкю, т. V, Саппоро, 1961, стр. 73—95.

Рец.: Ю. Бегунов. Новая японская работа о «Слове о гибели Руская земли». — НОЛЯ, т. XXI, 1962, вып. 6, стр. 545—547.

1962

XXVII. Г. Канамото. Ирия муромэцу но буирйна ни окэру сутаруи кадзаку но мондай ни цуйтэ (К вопросу о «старом казаке» в былинах об Илье Муромце). — Ероппа бунгаку кенкю (Изучение европейских литератур, Вестник филологического факультета университета Васэда), т. III, Токио, 1962, стр. 93—108.

XXVIII. Р. Кисаки. Гэнсё нэндайки ко. Продолжение. — Кагосима дайгаку бунка хококу сигаку хэн, вып. 8, Кагосима, 1962, стр. 1—44.

XXIX. Кодаи, росия кенкю (Изучение древней Руси, Орган Древнерусского общества в Японии), т. I. Киото, 1962, 65 стр.

² Настоящая библиография является продолжением списка работ японских исследователей по древнерусской литературе (см.: ТОДРЛ, т. XVIII, стр. 586). Уточним сведения, данные под №№ XVIII и XIX.

XVIII. С. Хисияма. Росия нэндайки (Равурэнтый бон) ни окэру аорису то кэйдокуако но ёхо (Способы употребления аориста и имперфекта в Лаврентьевской летописи. Резюме доклада). — Гэнго кенкю (Изучение языка, вестник японского общества лингвистов), т. XXXVII (1960). Токио, стр. 69—71.

XIX. И. Ямагути. Новугородо гэнсё нэндайки синодйри сяxon ни окэру жейёси тёгоби то тангоби но кино ни кансуру итикосацу (О функции полной и краткой форм прилагательных в древнерусской Новгородской первой летописи старшего извода, т. е. по Синодальному списку XIII в. Резюме доклада). — Гэнго кенкю т. XXXIX <1960>, Токио, стр. 47—49.

а) Перевод Предисловия к Полному собранию русских летописей; б) перевод Предисловия к Лаврентьевской летописи; в) Лаврентьевская летопись (текст, перевод и примечания). Пер. С. Хисияма, Т. Каваи, Т. Кунимото, С. Уэно и И. Ямагути.

XXX. Кодаи росия кенкю, т. II, Киото, 1962, 97 стр.

а) Лаврентьевская летопись (текст, перевод и примечания). Продолжение; б) И. Ямагути. О разделениях имен существительных одушевленных и неодушевленных в Синодальном списке первой Новгородской летописи.

XXXI. И. Ямагути. О функциях полной и краткой форм имен прилагательных древнерусского языка. На материалах Новгородской первой летописи старшего извода (по Синодальному списку). XIV в. — Гэнго кенки, XLI, 1962, стр. 28—54 (на русском языке).

1963

XXXII. Р. Кисаки. Гэнсё нэндайки к3. Продолжение. — Кагосима дайгаку бунка хококу сигаку хэн, вып. 9, Кагосима, 1963, стр. 17—57.

XXXIII. Кодаи росия кенкю, г. III, Киото, 1963, 142 стр

а) Лаврентьевская летопись (текст, перевод и примечания). Продолжение (в переводе участвует С. Исидоя); б) И. Ямагути. Из Хронографа Георгия Амартола (пер. с греческого); в) С. Уэно. Облегченная транскрипция древних рукописей (Закон судный людем, Лаврентьевская летопись).

XXXIV. Ё. Накамура. Дзекб Орига (Княгиня Ольга). — Наука но мадо, *i*. IX, № 8, Токио, 1963, стр. 1—8.

1964

XXXV. Г. Канамото. Буирйна канкэн (Краткие сведения о былинах). — Ёроппа бунгаку кенкю, т. VII, Токио, 1964, стр. 65—88.

XXXVI. Кодаи росия кенкю, т. IV, Киото, 1964, 214 стр.

а) Лаврентьевская летопись (текст, перевод и примечания). Продолжение; б) И. Ямагути. Из Хронографа Георгия Амартола (перевод и примечания). Продолжение; в) С. Уэно. Об описании Куликовской битвы; г) И. Ямагути. Функции полной и краткой форм прилагательных и их соотношение в древнерусском языке; д) С. Хисияма. Лекции по истории русского языка.

XXXVII. Кодаи росиякенкю, т. V, Киото, 1964, 294 стр.

а) Лаврентьевская летопись (текст, перевод и примечания). Продолжение (вместо С. Исидоя участвует в переводе К. Аmano); б) Т. Кунимото. Об Устюжской летописи; в) С. Уэно. Повести о мщении Ольги; г) С. Уэно. Об описании Куликовской битвы. Продолжение; д) С. Хисияма. Лекции по истории русского языка. Продолжение.

XXXVIII. Т. Кунимото. Варяги сети дэнсэцу» но Руси (Русь в «Легенде приглашения варягов»). Критика норманистов. — Рицумэйкан бунгаку (Вестник филологического факультета университета Рицумэйкан), 1964, № 6, Киото, стр. 559—578.

XXXIX. Ё. Накамура. Рец. на кн.: Б. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. Изд. АН СССР, М., 1963 — Иккё ронсо, т. III, № 6, Токио, 1964, стр. 673—680.